

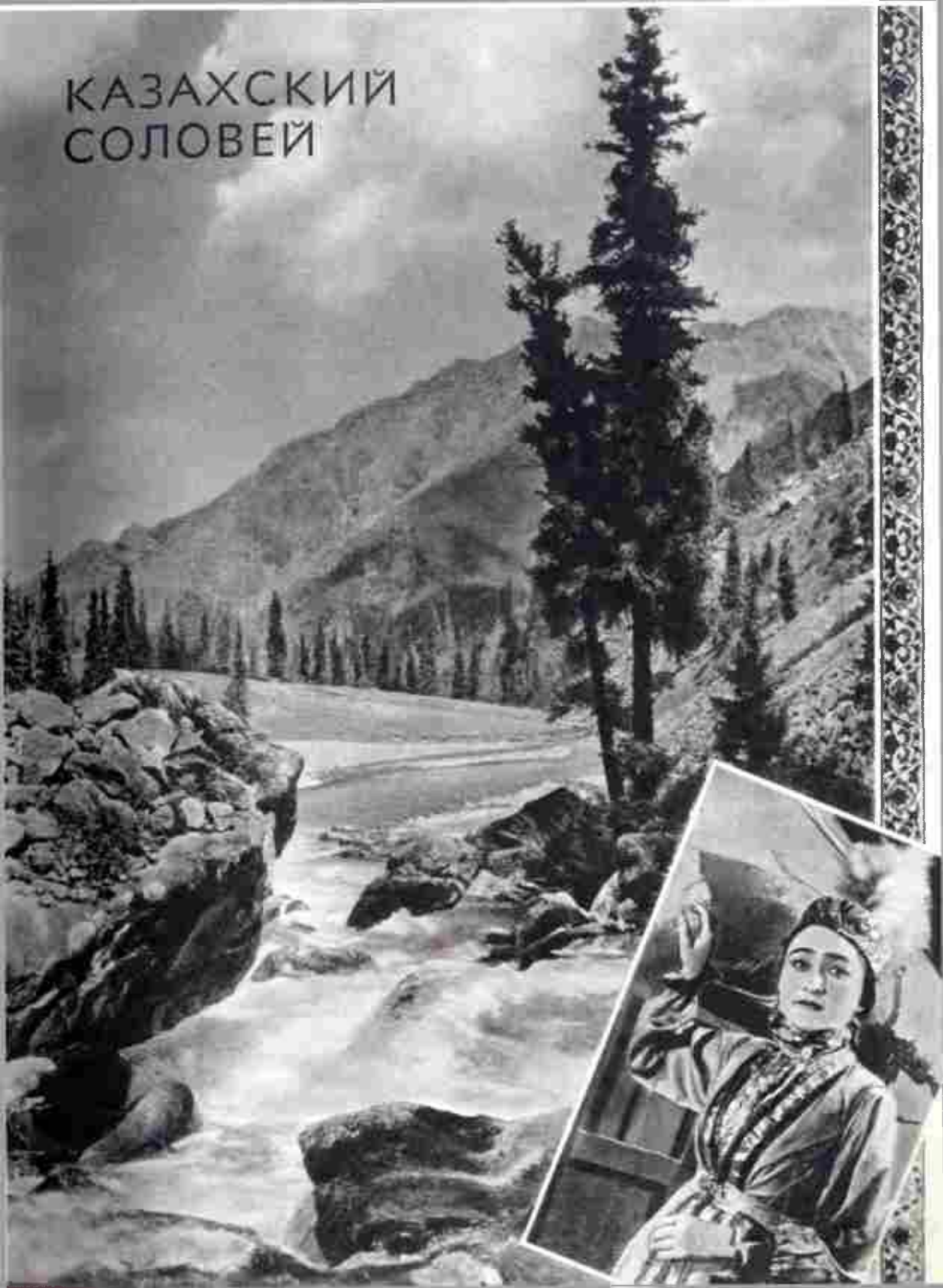
XXIX

1917-1946

5

СОВЕТСКАЯ ЖЕНЩИНА

КАЗАХСКИЙ СОЛОВЕЙ

В основу музыкальной драмы «Кыз-Жибек» положена одноименная народная казахская поэма, рассказывающая о «шёлковой девушке», которая пала жертвой феодальных предрассудков. Перед вами «отау» (юрта) Кыз-Жибек. Только что окончились песни и танцы девушек. Кыз-Жибек (в центре) — народная артистка Союза ССР Куляш Байсеитова — поёт свою знаменитую арию «Гак-ку». Портрет Куляш Байсеитовой в этой роли вы можете видеть на предыдущей странице.

Сцена из оперы Чайковского «Евгений Онегин», поставленной Казахским оперным театром имени Абая Кунанбаева в 1946 году. С большой проникновенностью исполняет Куляш Байсеитова роль Татьяны Лариной. Она создала образ, полный лирического обаяния, мягкой и чарующей женственности. В роли Онегина заслуженный артист Казахской республики Р. Абдуллин.

На снимке внизу — Байсеитова в роли Акжунус из музыкальной поэмы Сагир Камалова «Ер-Таргын».

КАЗАХСКИЙ СОЛОВЕЙ

М. СОКОЛЬСКИЙ

«**К**АЗАХСКИЙ соловей» — так в Казахстане зовут Куляш Байсеитову, народную артистку Советского Союза, первую актрису Государственного театра оперы и балета имени Абая Кунанбаева. Если вы хотите познакомиться с биографией Байсеитовой, перечтите историю казахской оперы. Ибо говорить о Куляш — значит прежде всего говорить о казахской опере, её рождении, становлении, росте.

Казахский национальный музыкальный театр ещё совсем молод. Путь, проделанный им за 14—15 лет своего существования, типичен для всех тех новых советских национальных театров, чьё появление оказалось возможным только благодаря грандиозным социальным, экономическим и культурным преобразованиям, которые принесла народам нашей Родины Октябрьская революция. Как почти во всех наших среднеазиатских республиках — да и не только в среднеазиатских, — Алмаатинский музыкальный театр зародился в недрах театра драматического.

В тех первых национальных спектаклях, которые шли на алмаатинской драматической сцене, много места отводилось народной музыке, песням, почерпнутым из богатейшего казахского фольклора. Песни эти, мелодичные, лирические и шуточные, весёлые или подёрнутые грустью, по ходу действия исполнялись драматическими актёрами. Постепенно музыкальный элемент в спектаклях увеличивался, спектакли шли в сопровождении оркестра национальных народных инструментов. Всё это требовало уже некоторой музыкальной профессионализации. Тогда-то и возникла в Алма-Ате Музыкально-драматическая студия, которая занялась воспитанием музыкальных актёров и подготовкой музыкальных спектаклей, не совсем верно называвшихся «музыкальными драмами». В эту студию вместе с группой других актёров пришла из Драматического театра тогда ещё неизвестная молодая актриса Куляш Байсеитова. Чудесный голос, поражающий своей гибкостью и природной техникой, голос, который следовало бы назвать «колоратурное сопрано», прекрасная, чуткая музыкальность, несомненный сценический талант — все эти качества сразу заставили обратить особое внимание на молодую певицу.

Так окончательно обрела свою судьбу, своё будущее Куляш. Девушка первоначально думала стать учительницей — она стала певицей, актрисой своего национального музыкального театра.

Это было в 1932 году. А уже через четыре года в Москве, в филиале Большого театра, перед требовательной и взыскательной столичной аудиторией, перед правительством, перед великим Сталиным молодой Казахский музыкальный театр демонстрировал свои первые спектакли.

Впечатление от этих спектаклей было потрясающим и совершенно неожиданным. Кто мог предполагать, что в такое короткое время народ, до революции живший в нищете и отсталости, не имевший национального театра, создаст свой профессиональный оперный театр, со своими превосходными актёрами, режиссурой, художниками, музыкантами! Путь, на который театральное искусство иных народов затрачивало столетия, казахский театр пробежал — именно пробежал! — буквально в несколько лет. Это было поистине чудо, чудо, рождённое нашей сталинской эпохой, эпохой победившего социализма, полного торжества ленинско-сталинской национальной политики.

Всё пленяло в казахских спектаклях: их подлинная народность, национальная самобытность, свежесть и непосредственность, глубокий драматизм содержания, красочность оформления, яркая красота костюмов, полная, однако, благородного акцента и сдержанности. И над всем этим царил музыка — совершенно оригинальная, терпкая по звучанию и вместе с тем покоряющая. Недаром, по древнему поверью казахов, над степными просторами их родины издавна парила песня. Куляш Байсеитова была на сцене как бы идеальным воплощением этой прирождённой музыкальности своего народа.

А когда в «Киз-Жибек» Байсеитова пела свою арию «Гакку», которую москвичи сейчас же прозвали казахской «арией с колокольчиками» (по аналогии со знаменитой арией из «Лакме»), публика в зале слушала её как зачарованная.

Неизгладимое впечатление произвёл на зрителей спектакль «Киз-Жибек» — по-казахски «Шёлковая девушка». Это печальная повесть о юной казашке, которая, защищая своё право на свободу и любовь, погибает в неравной борьбе с феодальными предрассудками. Либретто для этого первого музыкального спектакля Алмаатинского театра написано по одноимённой

Народная артистка Советского Союза Куляш Байсеитова.

народной поэме, пользующейся огромной популярностью в Казахстане. Лучшие стороны таланта Куляш Байсеитовой раскрылись в этой роли «шёлковой девушки»: действительно «шёлковая» мягкость и искренность её исполнения, несравненная грация движений, богатство мимики, всепроникающая музыкальность и вместе с тем глубокая, моментами трагическая драматичность игры.

Байсеитова сумела вложить столько подлинного и живого чувства в эту роль, с такой правдивостью и высоким мастерством рассказать грустную историю своей героини, что весь спектакль получил особую значительность и особый, глубокий смысл.

О прошлом рассказывали казахские постановки. Но в образах их героев, в образах, созданных Куляш Байсеитовой, отчётливо прозвучала нога современности. Ибо только человек, познавший сладость завоеванной свободы, только актриса, чувствующая себя полноправной, счастливой, гордой представительницей своего народа, может так глубоко трагически, остро понять и передать правду тяжёлого прошлого! И чем мрачнее были картины этого недавнего прошлого, тем ярче, тем радостней ощущалось лучезарное и счастливое настоящее казахского народа — талантливого, жизнедеятельного, свободолюбивого народа смелых джигитов и замечательных певцов. В этом заключалась оптимная, волнующая сила искусства Байсеитовой и всего прекрасного коллектива Казахского театра.

Москва необычайно тепло и радушно принимала гостей из Алма-Аты. Советское правительство наградило участников декады казахского искусства. Приём в Кремле завершился этот чудесный праздник. Встреча с товарищем Сталиным произвела на всех участников неизгладимое впечатление. «Я сидела рядом с любимым вождём народов товарищем Сталиным, — писала тогда Куляш Байсеитова. — Недостает слов выразить чувства, которые охватили меня в этот момент. Я с небывалой силой почувствовала всё значение нашей работы, поняла, что, сколь бы скромна она ни была, она является частью огромной работы по культурному переустройству одной шестой части земного шара. Сегодня я преисполнена одним желанием —

всей своей будущей жизнью оправдать доверие, которое оказали мне руководители нашей страны, наградив меня орденом Трудового красного знамени...»

Высокая оценка, полученная Казахским театром в Москве, не вскружила головы его актёрам. Напротив, она пробудила в них стремление совершенствоваться, двигаться вперёд, к вершинам искусства.

«Наш казахский театр ещё очень молод, — говорила Куляш. — Быть может, он один из самых молодых в нашей стране. И мы, казахские актёры, далеки от того, чтобы успокоиться на достигнутых успехах. Я считаю, что вся моя творческая жизнь ещё впереди и что главное мне ещё предстоит сделать. Я сыграла пока мало ролей, я ещё далеко не всё сделала даже в тех ролях, которые мною уже исполнены. Актёрское искусство никогда не должно знать предела. Если основная наша задача состоит в том, чтобы волновать и зажигать души зрителей, то мы никогда не имеем права сказать, что достигли предела. Мне хочется сыграть роль Дездемоны. Но это — не всё. Я хочу сыграть роль, к сожалению, ещё не написанную, — роль молодой современной казахской женщины, которая сама выковырывает свою судьбу и принимает активное участие в социалистическом строительстве. Мне хочется сыграть роль советской героини, которая не умирает на сцене, подобно Кыз-Жибек, а остаётся победно строить новую жизнь... Но для этого мне ещё многому и многому хочется учиться, и прежде всего, конечно, у театральных мастеров Москвы».

Окрылённые признанием и успехом, уехали после декады казахские артисты к себе домой. Учиться и создавать новые спектакли, работая для своего народа, во славу своей Родины — вот что определило весь дальнейший путь Казахского музыкального театра.

С тех пор прошло десять лет. Казахский театр вырос, окреп, возмужал. За эти годы ещё больше расцвело и созрело искусство Байсейтовой. В числе первых, наиболее прославленных советских художников сцены она стала народной артисткой Советского Союза. Популярность её среди самых широких масс казахского народа необычайна. В городах, колхозах, аулах Казахстана — всюду принимают Куляш как самую дорогую и желанную гостью. Свою артистическую работу Байсейтова сочетает с государственной деятельностью: любовь и доверие народа сделали её депутатом Верховного Совета СССР.

На сцене Казахского театра за эти годы были осуществлены новые постановки национальных авторов, ставились оперы композиторов братских республик и западноевропейских композиторов. Так возникли постановки «Аршин-мал-алан» азербайджанского композитора Узеира Гаджибекова, а затем «Чио-Чио-Сан» Пуччини, в которой Байсейтова с большим успехом выступила в роли Баттерфляй. В годы Великой Отечественной войны Казахский театр работал интенсивно и плодотворно. Он не только давал свои спектакли в Алма-Ате, но и обслуживал армию, систематически посылая артистические бригады на фронт. Куляш Байсейтова принимала самое живое и деятельное участие в этих фронтовых поездках.

В этот период в Алмаатинском театре зародилась смелая идея — поставить на казахском языке оперу Чайковского «Евгений Онегин». Роль Татьяны предназначалась для Куляш Байсейтовой. После удачных постановок «Чио-Чио-Сан» и «Аршин-мал-алан» казахским актёрам, естественно, захотелось попытать свои силы в русской опере. Сейчас почти все наши оперные национальные театры Средней Азии поставили у себя «Евгения Онегина». Эта опера идёт на киргизской сцене. Совсем недавно осуществили постановки «Онегина» Таджикский и Туркменский театры.

Для казахов постановка «Евгения Онегина» имела, однако, ещё и своё, особое значение. Татьяна, Онегин, Ленский, оказываются, — старые знакомцы казахского народа. Больше того: в Казахстане давно уже бытуют песни о пушкинских героях. «Письмо Татьяны» — так и называется народная казахская песня. Песню эту ещё в прошлом веке сложил знаменитый казахский поэт Абай Кунанбаев, имя которого носит Алмаатинский музыкальный театр. Живя в Семипалатинске, Абай сдружился со ссыльными русскими революционерами, от них узнал о Пушкине и с тех пор стал страстным почитателем поэзии Пушкина. Он перевёл на казахский язык множество пушкинских стихов, отрывки из «Евгения Онегина», а «Письмо Татья-

ны» положил на музыку, сложив песню в казахском стиле. Песня эта очень популярна в Казахстане.

Абай был провозвестником дружбы казахского и русского народов. Он призывал казахов учиться у русских, перенимать их передовую культуру, знакомиться с русской классической поэзией и искусством. Абай очень много сделал для развития культуры и просвещения родного народа, для упрочения дружбы казахов и русских, той дружбы, которая за годы советской власти сложилась в нерушимый братский союз.

Таким образом, мысль о постановке оперы Чайковского в Алмаатинском театре отнюдь не была случайной. Почва для этого была подготовлена, а имя Пушкина и герои его бессмертного романа не только известны, но и горячо любимы казахами. Не приходится говорить о том, как увлекательна поэтому была для казахских артистов идея постановки «Евгения Онегина». Увлекательна, но и чрезвычайно трудна и ответственна.

Нужно было прежде всего перевести текст оперы на казахский язык так, чтобы перевод был не только точен и художественен, но и хорошо «уложился» на музыку Чайковского. Это было с успехом осуществлено молодым поэтом Н. Баймухамедовым. Причём — замечательная подробность — и здесь помог Абай! Его старые переводы стихов Пушкина вполне «пришлись» к музыке, и ныне в казахском литературном тексте оперы целые арии и сцены принадлежат перу Абая Кунанбаева.

Однако главные трудности были ещё впереди. Причём для Куляш Байсейтовой они были особенно сложны.

С чудесной проникновенностью и нежной прустью поёт Байсейтова старую абаевскую песню «Письмо Татьяны». Но ведь это простая народная песня, включающая всего несколько стрóf. А Байсейтовой предстояло создать большой и цельный образ русской женщины. Это было опромным творческим искусством. Сложность овладения новым, непривычным для Байсейтовой музыкально-драматическим материалом усугублялась тем, что на Востоке существует совершенно иная, несхожая с европейской манера пения — так называемым «открытым», горловым звуком. Многие другие участники спектакля «Евгений Онегин», например исполнители ролей Онегина и Ленского молодые артисты-казахи Г. Абдуллин и Б. Досымжанов, окончили в Москве Казахскую студию при Консерватории и овладели европейской школой пения. Но Байсейтова (так же как и талантливейшая исполнительница роли няни Филиппьевны народная артистка республики У. Турдукулова и некоторые другие) сохранила свою старую, горловую манеру. И несмотря на это Байсейтова превосходно справилась с труднейшей вокальной партией. Ей да и всем остальным актёрам очень помог московский дирижёр Г. Столяров.

Премьера спектакля «Евгений Онегин» на казахской сцене состоялась 10 февраля 1946 года — в день всенародного праздника выборов в Верховный Совет СССР. Тщательно, с огромной любовью и мастерством подготовленный спектакль этот явился чудесным выражением дружбы двух народов, союза двух национальных культур и свидетельством поразительных успехов, достигнутых Казахским музыкальным театром. Байсейтова была достойной героиней спектакля. Она создала образ, полный лирического обаяния, мягкой и чарующей женственности. Всю гамму переживаний Татьяны Лариной: её мечтательную грусть и девичью восторженность, чистую любовь и затаённую, глубокую душевную боль, гордость женщины и её неизбывную печаль — Байсейтова передала с трогательной простотой и правдивостью. Так проникнуть в тайники души своей героини, так раскрыть её образ под силу лишь выдающейся актрисе и певице. Оставаясь русской, Татьяна-Байсейтова вместе с тем сохранила и передала на своей национальной сцене черты казахской женщины. В этом особая прелесть и выразительность казахского «Евгения Онегина».

Итак, от Кыз-Жибек до Татьяны Лариной — таков творческий путь Куляш Байсейтовой. Как в капле воды отражается солнце, так в этой личной судьбе казашки Байсейтовой отражается животворящее солнце Великой Октябрьской социалистической революции. Чувство невыразимого волнения и безграничной гордости охватывает душу, когда видишь, как в далёкий город Алма-Ату из горных аулов и сёл съезжаются колхозники, иногда целыми семьями, чтобы на сцене своего национального театра увидеть творение гениального русского композитора Чайковского, послушать «кыз»¹ Татьяну, свою любимую Куляш — «казахского соловья», славу и гордость казахского народа!

¹ Кыз — по-казахски девушка.

